

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

С.Б.Брилёв

Я иду из Уругвая

Советские разведчики-«нелегалы» периода Великой Отечественной войны из числа обладателей паспортов Восточной Республики Уругвай

Непростые внешнеполитические условия обусловили специфическую стратегию поведения СССР на международной арене перед Второй мировой войной (1939—1945). Статья определяет возможные причины, обстоятельства и хронологию появления в рядах советских разведчиков-«нелегалов» периода 1930—1940-х годов — обладателей паспортов Восточной Республики Уругвай — полноправных граждан этой латиноамериканской страны и агентов, действовавших под прикрытием. Исследование основано на документах из фонда Коммунистического интернационала в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) и Архивного департамента МИД Уругвая. Ценным дополнением стал официальный ответ Службы внешней разведки России на запрос Всероссийской государственной телевизионной и радиовещательной компании (ВГТРК).

Ключевые слова: Уругвай, разведка, Коминтерн.

DOI: 10.31857/S0044748X0006899-7

Статья поступила в редакцию 15.08.2019.

...Не кто-нибудь, а «большой шеф» советской разведсети в Европе, вошедшей в историю как «Красная капелла», Леопольд Треппер в своих воспоминаниях совершенно открыто писал: перед войной и во время войны у него было до шести подопечных, которые передвигались по Старому Свету под видом граждан Уругвая [1]. Изначально «Красная капелла» — это детище разведуправления Красной армии (РУ РККА или ГРУ, как эту структуру более привычно называть сегодня). Но, как будет показано, обладатели паспортов граждан Восточной Республики Уругвай были и в нелегальной резидентуре политической разведки НКВД/НКГБ в Париже. Почему именно уругвайцы?

Сергей Борисович Брилёв — кандидат исторических наук, заместитель директора телеканала «Россия» по специальным информационным проектам (РФ, 113162, Москва, ул. Шаболовка, д. 37, Sbrilev@yahoo.com), Президент Института Беринга-Беллинсгаузена (Монтевидео, Уругвай).

АНГЛИЙСКИЙ СЛЕД

Строго говоря, эта статья — своего рода «побочный продукт» и академического исследования, и журналистского расследования, которые автор ведет по теме взаимодействия спецслужб Советского Союза и никакой не Латинской Америки, а... Британии. Речь — об уникальной англо-советской схеме «Ледоруб», в рамках которой в 1941—1944 гг. при помощи британской службы саботажа и диверсий — Управления специальных операций (Special Operations Executive, SOE) — десятки агентов-«нелегалов» были отправлены из СССР в Соединенное Королевство. Оттуда самолетами британских ВВС, а также катерами и даже подлодками Королевского флота их переправляли на европейский континент, подконтрольный нацистами и их союзникам (в саму Германию, а также в Австрию, Бельгию, Испанию, Италию, Нидерланды, Францию)*. С советской стороны «оператором» этой схемы являлись разведуправления НКВД/НКГБ, чей архив унаследовала сегодняшняя Служба внешней разведки (СВР). Там подтвердили, что агенты были как их собственными, так и «переданными на связь» из ГРУ и Коминтерна.

Еще до каких-либо запросов со стороны ВГТРК официальные историки СВР в отношении двух из таких агентов, — «Бригадира» и «Вахе» — признавали, что их главная цель состояла в том, чтобы восстановить контакт с оставшимися без связи с резидентами-«нелегалами» [2, с.134], то есть, в том числе, — с членами «Красной капеллы». В ответ на запрос ВГТРК в СВР, во-первых, идентифицировали «Бригадира» как Бруно Кюна, во-вторых, подтвердили личности еще 22 агентов, чьи данные совпали при перекрестном сравнении «списка SOE» и документов из фонда 495 («Коминтерн») Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), а, в-третьих, сделали важное признание: «Основное задание для *всех* (курсив мой. — С.Б.) [«ледорубов» было] восстановить и наладить связь с нелегальными резидентурами НКВД, ГРУ, подпольными организациями Коминтерна, обеспечить их бесперебойную связь с Центром» [3, с.11].

Но что же в этих резидентурах делали уругвайцы и... «уругвайцы»?

* См.: O'Sullivan D. *Dealing with the Devil. Anglo-Soviet Intelligence Cooperation During the Second World War*. Peter Lang, New York, 2010; O'Connor B. *Churchill and Stalin's Secret Agents. Operation Pickaxe at RAF Tempsford*. Fonthill, London, 2012; Tyas S. *SS-Major Horst Kopkow. From the Gestapo to British Intelligence*. Fonthill, London, 2017; Bourgeois G. *La véritable histoire de l'Orchestre rouge*. Nouveau Monde editions, 2015; Брилев С.Б., О'Коннор Б. Разведка. «Нелегалы» наоборот: сотрудничество спецслужб Лондона и Москвы времен Второй мировой. М., АСТ, 2019; Брилев С.Б. Настоящий пастор Шлаг. «Электрик». *Международная жизнь*, №11, 2018; Брилев С.Б. «Башкирский след» в совместных операциях советских и британских спецслужб в 1941-1942 гг. *Вестник Академии наук Республики Башкортостан*, № 1 (93), т. 30, 2019; Брилев С.Б. «Второй фронт»: русский дневник. Неизвестные воспоминания советского адмирала-наблюдателя и участника операции «Оверлорд». *Международная жизнь*, № 7, 2019; Брилев С.Б. «Башкирские» испанцы-коминтерновцы — вероятные участники англо-советской операции «Оранж» в 1943 г. *Вестник Академии наук Республики Башкортостан*, № 2 (94), 2019; Брилев С.Б. Операция «Оранж». Загадочные испанцы-участники англо-советской разведывательно-диверсионной схемы «Ледоруб» в 1943 г. *Россия и современный мир*, № 2 (103), 2019.

УРУГВАЙ И «КРАСНАЯ КАПЕЛЛА»

Из шести обозначенных им «уругвайцев» в «Красной капелле» Л.Треппер по именам назвал двух. Это — «Карлос Аламо» и «Винсенте Сьерра».

Первый — «Аламо», в реальности — офицер ГРУ Михаил Варфоломеевич Макаров, родившийся в деревне Тетюши Казанской губернии в 1915 г. [4, сс. 48, 70].

Второй — «Сьерра», также был известен как «Виктор Сукулов», или агент «Кент». На самом деле — Анатолий Маркович Гуревич, родившийся в Харькове 7 ноября 1913 г. [5, сс. 61, 85]. По данным исследований историков ГРУ, паспорт № 4643, выданный уругвайским консульством в Нью-Йорке, определял его дату рождения в 3 ноября 1911 г. [6].

То есть, по сути, А.М.Гуревич был почти ровесником своей «крыши». Возникает вопрос: этот паспорт был так удачно *подобран в Москве* или его *на самом деле выписали* в уругвайском консульстве в Нью-Йорке? Благо в данном случае есть и имя, и дата рождения, и номер паспорта, я, будучи в Монтевидео, обратился в Архивный департамент МИД Уругвая.

...Вход в архив — не через парадный подъезд исторического дворца уругвайского внешнеполитического ведомства «Palacio Santos» на центральной авениде Монтевидео, а через современную пристройку, находящуюся на углу улиц Колония и Куарейм. Но когда директор архивного департамента Альваро Корбачо повел меня заветными коридорами, то скоро даже и в современной части здания МИД Уругвая мы оказались в помещении, которое буквально «дышит» историей — пусть дышать приходится и «фирменной», но столь благословенной для исследователя пылью веков. Особенно впечатляют фолианты времен войны «Тройственного альянса» Аргентины, Бразилии и Уругвая против Парагвая. Но не будем отвлекаться. Сразу скажу: никакой предыстории паспорта «Винсенте Сьерры» в архиве МИД Уругвая нет. Все консульские записи давно пошли в утиль. Но г-н Корбачо приготовил для меня пару паспортов той эпохи.

Первая реакция: конечно, с тех пор технический прогресс на месте не стоял. Естественно, справедливости ради, надо отметить, что никаких голограмм, чипов и тому подобного в ту эпоху не было в паспортах и других государств. Но тогдашний уругвайский паспорт — действительно весьма прост. В показанных мне образцах самое сложное — тисненая печать. Иными словами, чтобы подделать документ того времени, удостоверявший для внешнего мира личность гражданина Восточной Республики Уругвай, не надо было быть гением типографского искусства. Между тем в Москве таковые имелись. Например, в 1938 г. в Коминтерне в командировку за рубеж готовили австрийца Франца Лёшля (впоследствии — участник операции «Виски» схемы «Ледоруб» [3, сс.325-367]).

Читаем в РГАСПИ:

«Анкета.

Кличка: ДОННЕР Франц.

Настоящее имя: ЛЁШЛЬ Франц.

Подданство: австрийское.

Паспортная фамилия: ДЮРРЕ Отто.

Стандартный загранпаспорт гражданина Восточной Республики Уругвай предвоенной эпохи

Гражданство по паспорту: Швейцария» [7].

И в той же папке:

«Секретно.

На Ваш запрос от 23 сентября 1938 на фамилию ДЮРРЕ Отто дана справка на ГАММЕРЛИНГ Иоган — [...] родился в 1911 г. в Вене, австриец, слесарь. В СССР прибыл в апреле 1934. В Харькове на заводе ХТЗ окончил пулеметные курсы» [7].

Приведенный выше пример показывает, что и Коминтерну не был чужд некоторый беспорядок в делах (паспорт на одно и то же имя выдали двум разным сотрудникам). Но на какой же *поток* было поставлено в Москве снабжение тайных агентов фальшивыми паспортами даже и европейских государств! Между тем именно Коминтерн был поставщиком сотрудников и агентов для РУ РККА, и для разведуправления НКВД, у которых были и свои «фабрики» по подделке документов.

Но, конечно, совсем удобно для Москвы было, когда ее агенты ездили по миру не с поддельными, а с настоящими паспортами Уругвая, будучи его урожденными или хотя бы натурализованными гражданами. Самая настоящая уругвайка по ходу исследования истории схемы «Ледоруб» нашлась не в военной, а в политической разведке Советского Союза.

УРОЖДЕННАЯ УРУГВАЙКА

...В 1925 г. в компартию Франции (Parti communiste français) вступил некто Робер Бек. До поры до времени официальные историки СВР называли его «Ром» [3, сс.235-238]. Он же «Рауль» (такой его псевдоним называет мемориальный портал французского Сопротивления «La Maitron» [8]). И он же — те-

перь рассекреченный резидент «Робер», который до 1942 г. руководил нелегальной и очень эффективной резидентурой НКВД в Париже [3, сс. 96-159].

Перед тем, как перейти в разведку, Робер Бек был коминтерновцем, благодаря чему его автобиография доступна в РГАСПИ [9]. Он родился 11 сентября 1897 г. в Арпажоне. Мать — горничная-прачка, отец — плотник. Мать погибла в 1907 г., и Бека воспитывали монахини в детском доме. Будучи в 1915 г. мобилизован во французскую армию, проявил себя бунтарем и был, по сути, сослан в 123-й пехотный полк в Марокко. Демобилизовавшись, устроился докером в Тунисе. Там, во время забастовки в 1924 г. на спину Бека забрался его товарищ, которого, когда он поднялся над толпой, взяли на прицел и прямо на плечах приятеля убили полицейские. Сам Бек называл этот случай поворотным моментом своей жизни, который и привел его вначале к коммунистам, а затем — и в советскую разведку.

Согласно ответу СВР на запрос ВГТРК, «в 1933 г. по рекомендации агента НКВД «Исидора» [Бек] привлечен к сотрудничеству [...] на идеологической основе. [...] Во время немецкой оккупации Франции [его] группа проделала большую самостоятельную работу по организации диверсий против гитлеровских оккупационных войск и спецслужб. Ее участники действовали дерзко и решительно, нанеся врагу значительный урон, в том числе в живой силе».

Кто является главным виновным в том, что в 1942 г. Бека вычислили и арестовали, а 6 февраля 1943 г. он был казнен [10]? Дискуссия на этот счет идет до сих пор. По одной версии, еще до войны в группе завелся «крот» (чей жизненный путь заслуживает отдельной статьи). По другой версии, дело было в том, что Бек не устоял перед напором женщины-курьера, которая в рамках схемы «Ледоруб» прибыла во Францию из СССР через Британию с четким приказом воздержаться от участия в диверсионных операциях [3, с.153], но добилась у резидента разрешения попытаться поджечь склад с зерном. При поджоге она была замечена, схвачена и при допросе в гестапо показала на Бека как на соучастника. Это была завербованная еще в 1937 г. в Барселоне силами «т. Котова» (Наума Исааковича Эйтингона) и «т. Меркадер» [11] советская курьер «Хуанита»-«Жанетт Дюпон» (при переброске через Англию британцам была известна, как «Анна Успенская», позже и им стало известно ее реальное имя: уроженка Российской империи польская еврейка Шифра Липшиц [12]).

Именно на нее и указала при послевоенном разбирательстве та, кто не сломалась на допросах в гестапо и смогла сохранить для Центра важные секреты резидентуры: жена и соратница резидента Бека. Звали ее Рене Огг Бек. Когда ее освободили из концлагеря Маутхаузен, то в деле записали: родилась 22 сентября 1902 года в... Монтевидео, Уругвай [13]. То есть, именно по закону, — *натуральная* гражданка Восточной Республики (что касается гражданства, то в Уругвае действует, прежде всего, «право почвы»). Соответственно, уругвайцами были и ее дети: дочь Клара и сын Даниэль. Согласно ответу СВР на запрос ВГТРК, «до достижения ими совершеннолетия советской разведкой выплачивалось им пособие, которое передавалось его вдове Рене Бек».

Но где же расположить «нулевой километр» этой истории?

КУЛУАРЫ... СПАРТАКИАДЫ

Как хорошо известно, приняв «21 условие Коминтерна» и «отпочковавшись» от Соцпартии (Partido Socialista del Uruguay), Коммунистическая партия Уругвая (Partido Comunista del Uruguay) организационно оформилась в 1921 г. Но посетивший на следующий год Москву (и ставший единственным уругвайцем, лично видевшим Владимира Ильича Ленина) Франсиско Пинтос* жаловался, что «в Коминтерне не знали о существовании не только КПУ, но и самого Уругвая» [14]. Действительно, по-настоящему потенциал этой латиноамериканской страны был понят в Москве позже.

...Летом 1928 г. на только что возведенном московском стадионе «Динамо» прошла первая Спартакиада, призванная стать альтернативой и «буржуазным» Олимпийским играм, и спортивным состязаниям Социалистического интернационала. В программу Спартакиады внесли и футбол. Ожидался своего рода «красный мундиаль». Проблема состояла в том, что большинство сильных рабочих команд по футболу числилось за Социнтерном, а там поездку на игры Третьего Интернационала в Москву не одобряли. В итоге главные заграничные звезды «красного мундиаля» — команда Красной Федерации спорта Уругвая (Federación Roja del Deporte) [15], состоявшая, в частности, из слесаря, вулканизатора шин, трех каменщиков, двух сапожников, столяра, маляра, типографского наборщика, ломового извозчика, водопроводчика и продавца газет [16]. Из одиннадцати игроков восемь являлись членами компартии [17].

Но когда в материалах Коминтерна дело доходит до *фамилий* членов уругвайской делегации, то в общем списке значится еще и... «Кравченко» [16]. Кем был или была этот или эта Кравченко? За чем или за кем приглаждал или приглаждала? Какую информацию и кому передавал или передавала? Изначально автор этих строк исходил именно из этого: Кравченко — это некто из СССР, приставленный к уругвайским футболистам, чтобы насытиться соответствующими акцентом и манерами и под видом уругвайца выехать за рубеж. Разве что, сопоставив даты, я с самого начала не думал, что из «Кравченко» могут «вырасти» Михаил Варфоломеевич Макаров и Анатолий Маркович Гуревич из «Красной капеллы»: те на момент проведения Спартакиады были еще слишком молоды, чтобы оказаться в рядах разведчиков [18].

При более глубоком погружении в тему выяснилось, что в те времена на берегах Рио-де-ла-Платы фамилия «Кравченко» не была такой уж редкой. Возьмем послереволюционную эмиграцию. Самая крупная ее организация — Русский Общевоинский Союз (РОВС). К его южноамериканскому

* Ф.Пинтос Перейра (1880—1960). Рабочий-деревообделочник, служащий аптеки. Редактор газеты «El Socialista». Позже разошелся с руководством партии и участия в ее работе не принимал. Вернулся в ЦК Компартии Уругвая в 1962—1968 гг. См.: Comando general del ejército. Testimonio de una nación agregada. Montevideo, Universidad de la República, 1978, p. 29; Хейфец Л.С. Латинская Америка в орбите Коминтерна (опыт биографического словаря). М., 2000, с. 135; Gómez E. Historia del Partido Comunista del Uruguay hasta al año 1951. Montevideo, Editorial Eco, 1990, p. 52.

Фотография и отпечатки пальцев Африки (в Уругвае — Марии) де лас Эрас...

тер Кравченко — Дарью Иосифовну — отбросим. Да, она выросла в Уругвае, а потом работала в Москве в Коминтерне. Но, во-первых, в СССР она вышла замуж за коминтерновца-аргентинца Педро (Петра Анатольевича) Лосса (Люся), а тот, когда отвоевал в Испании, вернулся в Москву, где они и прожили оставшуюся жизнь. То есть, Дарья Кравченко к разведке отношения иметь не могла. К тому же, во-вторых, она приехала в Москву только в 1930 г., а Спартакиада прошла в 1928 г. [20, с. 671].

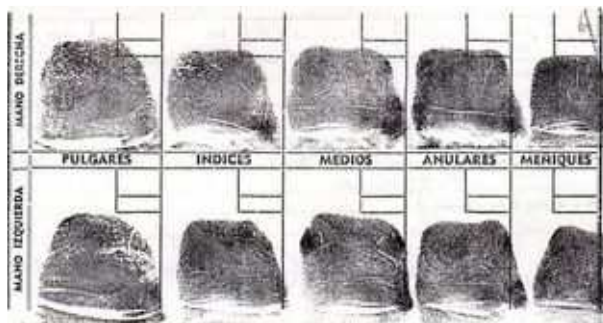
А вот на вторую из сестер Кравченко — Евдокию Иосифовну — обратим более пристальное внимание, тем более что, если цитировать коминтерновский список уругвайской спортивной делегации, то надо отметить, что речь там шла о «Кравченко Е.» [21]. О ней известно, что ее не приняли в Международную Ленинскую школу, «поскольку она знала русский язык и могла учиться в советских школах» [20, сс. 666-667]. Но на Спартакиаду она как раз успевала: приехала в СССР в 1928 г. [22, с. 330]. Более того, потом она вернулась в Южную Америку! Впрочем, сделала это вполне открыто: вышла замуж за еще одного аргентинского коммуниста — Орестеса Томаса Гиольди, — которого ждала большая партийная карьера в Буэнос-Айресе [22, с. 250]. Хорошо известный в московских кругах сын главы Контрольной комиссии ЦК компартии Аргентины (Partido Comunista de la Argentina) Эрнандо Клейманс навел справки и подтвердил: чета Гиольди-Кравченко была до конца вместе — разве что Евдокию в Аргентине называли Эухения. Но она не скрывала свою личность, а, значит, и к разведчикам-«нелегалам» ее не отнесешь.

Но был ведь и *брат* Кравченко! И это — как раз офицер и будущий Герой Советского Союза. Звание Героя ему было присвоено за подвиги в партизанском движении, но после войны он получил еще и Орден Ок-

отделу в Аргентине примыкали общества «Русский очаг», «Русский сокол» и «Кают-компания офицеров императорского флота». В последнюю, в частности, входили морские офицеры царской и белой армий — Л.С. Быстроумов, Б.К. Шуберт и Б.К. Кравченко [19, сс.173-174]. При этом РОВС был создан приказом генерала Петра Николаевича Врангеля от 1 сентября 1924 г., т.е. задолго до Спартакиады. Но, конечно, по здравому размышлению, вряд ли офицер *царской* армии мог быть в составе уругвайской коммунистической делегации на Спартакиаде.

Впрочем, куда интереснее выглядит целая *семья* Кравченко, которая в 1913 г. эмигрировала именно в Уругвай из кубанского села Унароково, а потом стала частями возвра-

тябрьской Революции за свою работу на посту вице-председателя общества дружбы... «СССР — Уругвай» [22, сс. 330-331]! Про него, про Федора Иосифовича Кравченко, хорошо известно, что до войны он выполнял задания РУ РККА в Латинской Америке (в Мексике) [23]. Известные закодированные псевдонимы — «Кляйн», «Магнат», «Панчо». И не позывной, а имя — Мануэль Ронсеро, *уругвайский* коммерсант [24].

...из базы данных уругвайских удостоверений личности

ПОЧЕМУ УРУГВАЙСКИЕ ПАСПОРТА?

Примечательная деталь: по этническому происхождению жена советского резидента в Париже, уругвайка Рене Огг Бек не была «латинкой». Ее отец — осевший на берегах Рио-де-ла-Платы банкир-британец (судя по всему, жил между Уругваем и Аргентиной, в определенный момент став крестным отцом мальчика, родившегося в английской общине Буэнос-Айреса [25]). Но, собственно, для той эпохи это, по сути, классика жанра. Значительная часть жителей Аргентины и Уругвая были вновь прибывшими европейскими иммигрантами.

И сегодня среди уругвайцев много тех, кто внешне выглядит, скорее, как северные европейцы (например, по понятным историческим причинам, в менеджменте железных дорог всегда было много уругвайцев из числа этнических англичан). Что до акцента, то даже в Монтевидео некий усредненный акцент выработался примерно только три поколения назад. А в те времена, о которых речь идет здесь, обладатели уругвайских паспортов и выглядевшие по-североевропейски, и говорившие с иностранными акцентами, были вообще привычным явлением. Стоит ли удивляться тому, что в Коминтерне и советской разведке «уругвайцев» стали «лепить» даже из тех, кто никогда не бывал в этой стране?

К тому же, оказавшийся в 1929 г. в Монтевидео коминтерновец Жюль Эмбер-Дро в письме жене описывал атмосферу либерального и демократичного Уругвая так: «Что до полицейского контроля, то... любой въезжает-уезжает, не предъявляя бумаг и называя себя каким хочет именем. Внутри контроля вообще нет. Это настоящий рай для “дельцов нашего типа”» [26, с. 234]. Стоит ли удивляться, что именно в Монтевидео из Буэнос-Айреса был тогда переведен Южноамериканский секретариат Коминтерна (ЮАСКИ)?!

Другое дело, что назвать тогдашний уругвайский паспорт таким уж «вездеходом» трудно. Это сейчас паспорт урожденного гражданина Восточной Республики Уругвай относится к тем немногим, по которому без визы можно ездить и в Европейский союз, и в Российскую Федерацию,

а тогда гражданам даже самых благополучных стран Южной Америки нужны были консульские штампы для поездок и в Старый Свет, и даже по собственному континенту [27]. Тем не менее, ценность Уругвая для советских «тайных операторов» была в том, что, как и сегодня, эта страна была, конечно, «ганзейской» [28, с. 20], себе на уме, но не только, как уже сказано, иммигрантской, но еще и исторически нейтральной, никого не раздражавшей. В *такой* паспорт нужные визы было получить, безусловно, проще. Для примера: все тот же Гуревич-«Кент» из «Красной капеллы». Как хорошо известно, в марте 1940 г. «Винсенте Сьерра» съездил в Швейцарию помочь наладить радиосвязь Шандору Радо (чья резидентура в 1941—1943 гг. отправила в Москву буквально тонны шифровок с ценнейшей информацией). А в октябре 1941 г. «Кент» ездил из Брюсселя даже в Берлин [5, сс. 61, 85].

УДОСТОВЕРЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Естественно, жить по чужим паспортам нехорошо. Но когда я заговаривал обо всей этой саге в Монтевидео, большинство моих даже очень эрудированных собеседников, во-первых, об этом, как правило, не знали, а, во-вторых, если и знали, то никого не осуждали. Наверное, сказывается и то, что иным уругвайцам нравится, когда их страна оказывается на глобальных перекрестках истории. Собственно, Уругвай официально разорвал отношения со странами «оси» только в 1942 г., вступил в войну еще позже, а уругвайские паспорта уже ковали Победу (к тому же самому Уругваю эти уругвайцы и «уругвайцы» ничего плохого не сделали).

...Эта статья начиналась с оговорки о том, что она является в каком-то смысле «побочным стволом» другого исследования. Но неожиданно на этом «побочном стволе» обнаружились свои побеги. Итак, с одной стороны, в МИД Уругвая ничего выяснить не удалось (хотя, думается, уругвайские паспорта офицеров РУ РККА из «Красной капеллы» были все-таки поддельными). Вот и историки ГРУ обращают внимание на то, что эти документы отличались всего одной цифрой в номерах. Это ли не косвенное доказательство? С другой стороны, я попросил своих знакомых в Монтевидео посмотреть, не осталось ли в Уругвае какого-то, скажем так, «документального шлейфа» от Дарьи, Евдокии и Федора Кравченко (которые за полтора десятилетия жизни там должны были натурализоваться) и от Рене Огг Бек (урожденной уругвайки). К сожалению, и здесь ничего конкретного не обнаружилось: в ту эпоху выдача удостоверений личности и записи в списках избирателей еще не были автоматически-универсальными. Но результатом бесед в Монтевидео стало обнаружение в уругвайских актах гражданского состояния материалов на другого советского разведчика-«нелегала», но уже из эпохи холодной войны. Это — вышедшая замуж за уругвайского литератора и музыканта Фелисберто Эрнандеса и обосновавшаяся в Монтевидео разведчик-«нелегал» разведуправления НКГБ/МГБ/КГБ СССР Африка де лас Эрас. Впрочем, это — уже другая история, о которой мы с коллегами сейчас готовим фильм для телеканала «Россия». Скоро все расскажем.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Треппер Л. Большая игра. Москва, Политиздат, 1990. [Trepper L. Bol'shaja igra. [Great game] Moscow, Politizdat, 1990. Available at: http://militera.lib.ru/memo/russian/trepper_lz01/index.html (accessed 26.07.2019) (In Russ.).
2. История российской внешней разведки: Очерки: в 6 т. Т.IV. 1941-1945 годы. М., Международные отношения, 2014, 696 с. [Istoriya rossijskoj vneshnej razvedki: Oчерki: v 6 t., t.IV. 1941-1945 gody. [The history of Russian foreign intelligence: Essays: in 6 vol., v.IV. 1941-1945.] Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija, 2014, 696 p. (In Russ.).
3. Брилев С.Б., О'Коннор Б. Разведка. «Нелегалы» наоборот: сотрудничество спецслужб Лондона и Москвы времен Второй мировой. М., АСТ, 2019, 464 с. [Brilev S., O'Konnor B. Razvedka. «Nelegaly» naoborot: sotrudnichestvo spetsluzhbb Londona i Moskvy vremen Vtoroj mirovoj. [Intelligence. «Illegals» on the contrary: the cooperation of the intelligence services of London and Moscow during the Second world war.] Moscow, AST, 2019, 464 c. (In Russ.).
4. Tyas S. SS-Major Horst Kopkow. From the Gestapo to British Intelligence. Fonthill, London, 2017, 272 p.
5. Bourgeois G. La véritable histoire de l'Orchestre rouge. Nouveuu Monde editions, 2015, 581 p.
6. Колпакиди А.И. ГРУ в Великой Отечественной войне. М., Яуза: Экспо, 2010. [Kolpakidi A.I. GRU v Velikoj Otechestvennoj vojne. [GRU in the Great Patriotic War.] Moscow, Jauza: Jekspo, 2010. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=222332&p=1> (accessed 25.07.2019) (In Russ.).
7. РГАСПИ Ф. 495. Оп. 187. Д. 2631. Л.54.
8. Arch. PPO (notes de Jean-Pierre Besse); Notes de Jean-Pierre Ravery et de Denis Peschanski; Roger Faligot, Jean Guisnel, Rémi Kauffer, Histoire politique des services secrets français de la Seconde Guerre mondiale à nos jours, La Découverte, 2012; DAVCC, Caen. Available at: <http://maitron-fusilles-40-44.univ-paris1.fr/spip.php?article75638> (accessed 25.7.2019).
9. РГАСПИ Ф. 496. Оп. 270 Д.756.
10. Liauzu C. Naissance du salariat et du mouvement ouvrier en Tunisie à travers un demi-siècle de colonisation, Thèse d'État, Nice, 1977, 989 p.; Courtois S., Peschanski D., Rayski A. Le Sang de l'étranger. Paris, Fayard, 1989, 480 p.
11. РГАСПИ Ф.495. Оп. 252. Д. 9560. Л.10.
12. The National Archives of the United Kingdom (TNA) HS 4/342.
13. Monument Mauthausen. Available at: http://www.monument-mauthausen.org/spip.php?page=print-fiche&id_article=10464&lang=fr (accessed 22.08.2019); Guérin A. Chronique de la Résistance, Grigny, Omnibus, 2000, 960 p.; Les Fusillés 1940 – 1944. Available at: <http://maitron-fusilles-40-44.univ-paris1.fr/spip.php?article16077> (accessed 22.08.2019).
14. Programa Interuniversitario de Historia Política. Available at: historiapolitica.com/dossiers/comunismouruguayo (accessed 12.07.2019).
15. Украина – Уругвай. Правда. М., 22.08.1928. [Ukraina – Urugvaj. [Ukraine – Uruguay.] Pravda, Moscow, 22.08.1928. (In Russ.).
16. РГАСПИ Ф. 537. Оп.2 Д.135. Л.33.
17. Нижегородская коммуна. Нижний Новгород, 01.09.1928. [Nizhegorodskaja kommuna]. Nizhny Novgorod, 01.09.1928. (In Russ.).
18. Брилев С.Б. «Мундиаль» - слово все-таки и русское. Международная жизнь, М., №7, 2018. [Brilev S.B. «Mundial'» - slovo vse-taki i russkoe. [“Mundial” is a Russian word after all.] Mezhdunarodnaja zhizn', Moscow, N7, 2018. Available at: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2053> (accessed 28.08.2019) (In Russ.).
19. Мосейкина М.Н. «Рассеяны, но не расторгнуты»: русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920-1960 гг. М., Российский университет дружбы народов, 2011, 383 с. [Mosejkina M.N. «Rassejany, no ne rastorgnuty»: russkaja jemigracija v stranah Latinskoj Ameriki v 1920-1960 gg. [“Scattered, but not dissolved”: Russian emigration to Latin America in 1920-1960.] Moscow, Rossijskij universitet družby narodov, 2011, 383 p. (In Russ.).
20. Хейфец Л.С., Хейфец В.Л. Коминтерн и Латинская Америка: люди, структуры, решения. М., Политическая энциклопедия, 2019, 757 с. [Jefets L.S., Jefets V.L. Komintern i Latinskaja Amerika: ljudi, struktury, reshenija. [Comintern and Latin America: people, structures, decisions]. Moscow, Politicheskaja jenciklopedija, 2019, 757 p. (In Russ.).
21. РГАСПИ Ф. 537. Оп.2. Д.135. Л.33.

Сергей Брилев

22. Jeifets L., Jeifets V. América Latina en la Internacional Comunista, 1919-1943. Diccionario Biográfico. Santiago, Chile, 2019, 791 p.
23. Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь (Пред. ред. коллегии И.Н.Шкадов). М., Воениздат, 1987, т. 1. 911 с. [Geroi Sovetskogo Sojuza: Kratkij biograficheskij slovar' (Pred. red. kollegii I.N. Shkadov). [Heroes of the Soviet Union: A Brief Biographical Dictionary.] Moscow, Voenizdat, 1987, t. 1. 911 p. (In Russ.).]
24. Кочик В. Разведчики и резиденты ГРУ. М., Яуза, Эксмо, 2004. [Kochik V. Razvedchiki i rezidenty GRU. [Scouts and residents of the GRU.] Moscow, Jauza, Jeksmo, 2004. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=14549&p=67> (accessed 27.07.2019).
25. San Salvador, Belgrano: registros parroquiales, 1895-1915. Available at: <http://www.argbrit.org/Belgrano/Belgbapts1902-1910.htm> (accessed 15.8.2019).
26. Dujovne Ortiz A. El Camarada Carlos. Itinerario de un enviado secreto. Buenos Aires, Aguilar, 2007, 415 p.
27. Pablo Neruda. Confieso que he vivido. Seix Barral, Barcelona, 1983, 416 p.
28. Methol Ferré A. Uruguay como problema. Editorial Diálogo, Montevideo, Uruguay, 1967, 110 p.

Sergey B.Brilev (Sbrilev@yahoo.com)

Ph.D. (History), Deputy director, TV channel "Russia" (37, Shabolovka Str., 113162 Moscow, Russian Federation); President of the Bering-Bellingshausen Institute for the Americas (Montevideo, Uruguay)

I'm from Uruguay. The Soviet "illegal" intelligence officers of the Great Patriotic War period holding the passports of the Eastern Republic of Uruguay

Abstract. The article explains possible causes, real circumstances and a timeline of the emergence of holders of passports of the Eastern Republic of Uruguay among Soviet "illegal" intelligence officers of 1930s and 1940s. The article is based upon the Comintern files of the Russian State Archive of Social-Political History (RGASPI) and the Archival Directorate of the Ministry for Foreign Affairs of Uruguay. A valuable addition is the official reply by Russia's Foreign Intelligence Service (SVR) to a request from the Russian State TV and Radio Broadcasting Company (VGTRK).

Key words: Uruguay, intelligence, Comintern.

DOI: 10.31857/S0044748X0006899-7

Received 15.08.2019.